

ГЛУБИНА МАРАКОТА ЗАТЕРЯННЫЙ ПОД ОКЕАНОМ МИР

Новый научно-фантастический роман А. Конан-Дойля

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ.

Профессор Маракот организовал экспедицию для изучения жизни морских глубин и с двумя помощниками — ассистентом Оксфордского университета, Сирусом Хэдлей, и механиком Биллем Скэнлан — отплыл из Англии. Вскоре после этого, в письме, написанном с Канарских островов, Хэдлей описал, как профессор Маракот объявил, что на борту находится стальная камера, в которой их опустят на дно океана. За этим письмом последовал почти год молчания, как вдруг, необычайным образом, были получены новости о профессоре Маракоте. Капитан одного парохода сообщил о находке плававшего в воде серебристого шара, в котором заключалось дальнейшее известие от Хэдлей. В нем говорилось, что камера с ее тремя обитателями успешно спускалась уже над краем Глубины Маракота, как вдруг гигантское морское чудовище разорвало цепь, и камера погрузилась в зияющую бездну. Повествование Хэдлей сообщало дальше, как были изумлены профессор Маракот и его спутники, найдя на дне океана подводную расу людей, спасших их из камеры при помощи прозрачных одежд, в которых можно было свободно дышать. Хэдлей описывал, как с помощью удивительного прибора для передачи мыслей, участники приключения смогли рассказать обитателям дна океана о постигшей их катастрофе. Они сумели также с грехом пополам объяснить по-гречески с одним жрецом, очевидно, принадлежавшим к расе, которая произошла от древних греков и была взята некогда в плен атлантидами.

IV.

Спустя несколько дней после нашего прибытия, наши оказавшие нам гостеприимство или захватившие нас в плен хозяева (порой мы сами сомневались, как правильнее называть их) взяли нас с собой в экспедицию по дну океана. С нами пошло шестеро из них, включая вождя Мэнду. Мы собрались в той же выходной комнате, в которой они впервые нас приняли. Теперь мы могли рассмотреть ее немного поближе. Это было очень обширное помещение, не меньше сотни футов в ширину и в длину; его низкие стены и потолок позеленели от морских наростов и текли от сырости. Вокруг всей комнаты шел длинный ряд вешалок со знаками, которые, как я предполагаю, служили номерами; на каждой были повешены один из полупрозрачных колоколов из стекла и пара наплечных батарей, обеспечивавших возможность дыхания. Пол из мягкого камня был испещрен вдавленными следами ног многих поколений. Эти вдавления сейчас представляли собой мелкие лужицы воды. Все помещение ярко освещалось световыми трубами вдоль карнизов. Нас облачили в наши стеклянные одежды и дали каждому по толстой, заостренной палке из какого-то легкого металла. Затем Мэнда знаками приказал нам ухватиться за огибающий комнату брус; он сам и его друзья подали нам пример. Причина такой предосторожности скоро выяснилась: когда медленно открылась наружная дверь, морская вода стала вливаться с такой силой, что сбила бы нас с ног, если бы мы не ярились этой предосторожностью. Однако, она быстро поднялась выше уровня наших голов, и испытываемое нами давление уменьшилось. Мэнда повел нас к двери, и мгновением позже мы очутились снаружи, снова на дне океана, оставив за собою портал открытым, наготове для нашего возвращения.

Оглядываясь вокруг в холодном, колеблющемся, призрачном свете, который освещал глубоководную равнину, мы могли видеть, по крайней мере, на четверть мили во всех направлениях. К нашему удивлению, мы заметили на самой крайней грани всего видимого нами ослепительный блеск лучей. Туда именно наш предводитель и направил свои стопы, а все мы гуськом последовали за ним. Идти приходилось медленно; надо было преодолевать сопротивляющиеся воды, а наши ноги на каждом шагу глубоко погружались в мягкий ил; но вскоре мы смогли ясно различить источник света, привлечший наше внимание. Это было наше последнее напоминание о земной жизни, — наша собственная камера, наклонно лежавшая на одном из куполов далеко раскинувшегося здания. Ее огни все еще горели. Она на три четверти была наполнена водой, но заключенный в ней воздух, тем не менее, предохранял от затопления ту часть, в которой находилась наша электрическая установка. Заглянув в нее, нам было очень странно увидеть ее знакомую внутренность, все еще сохранявшую диваны и инстру-

менты, в то время, как несколько крупных рыб кружились в ней, как миноги в бутылке. Один за другим, мы вскарабкались внутрь, сквозь открытую дверь люка: Маракот, чтобы спасти плававшую на поверхности воды, записную книжку, Скэнлан и я — чтобы подобрать некоторые из наших личных вещей. Мэнда также вошел с одним или двумя из своих товарищей, с величайшим интересом разглядывая измеритель глубины и термометр, равно как другие инструменты, которые были прикреплены к стене. Термометр мы сняли и забрали с собой. Ученым будет интересно узнать, что на самой большой морской глубине, на которую когда-либо опускался человек, температура равняется сорока градусам Фаренгейта и что, благодаря химическому разложению ила, она выше температуры верхних слоев моря.

Наша маленькая экспедиция, повидимому, имела определенную цель, помимо того, что она позволяла нам немного поупражняться в ходьбе по дну океана. Мы охотились за пищей. Время от времени я видел, как наши товарищи резко ударяли вниз своими заостренными палками, каждый раз протыкая ими большую коричневую плоскую рыбу, вроде палтуса. Эти рыбы были очень многочисленны, но так плотно лежали в иле, что нужен был опытный глаз, чтобы их обнаруживать. Вскоре по две или по три из них болтались на боку у каждого из наших спутников. Скэнлан и я быстро наловчились и поймали каждый по паре рыб, Маракот же шел, как во сне, совершенно погрузившись в свое восхищение красотами океана и произнося длинные, возбужденные речи, потерянные для наших ушей, но видимые нашим глазам, благодаря подергиваниям его лица.

Сначала у нас возникло впечатление монотонности окружающего пейзажа, но мы обнаружили вскоре, что серые равнины разделялись на разнообразные формации под действием глубоководных потоков, которые текли поперек них, как подводные реки. Эти потоки прорезали в мягкой тине каналы и обнажали лежащие под ней руслы. Их берега состояли из красной глины, которая составляет основу всех вещей на дне океана. Они были густо усеяны белыми предметами, которые вначале я принял за раковины. Когда же мы рассмотрели их, оказалось, что это — ушные кости китов, зубы акул и других чудовищ. Один из поднятых мною зубов был длиной в пятнадцать дюймов, и мы могли быть только благодарны судьбе, что такое устрашающее чудовище держалось в верхних слоях океана. По словам Маракота, он принадлежал гигантскому смертоносному киту-убийце или орка-гладиятору. Оно привело мне на память наблюдение Митчелла Хэджеса, что даже самые ужасные, пойманные им акулы, носили на теле знаки, которые свидетельствовали о встречах их с еще более крупным и страшным созданием, чем они сами.

Есть одна особенность океанских глубин, которая производит сильное впечатление на наблюдателя. Как я уже сказал, постоянный холодный свет поднимается с медленно фосфоресцирующих, разлагающихся больших масс органической материи. Но вверх все темно, как ночь. Получается впечатление тусклого зимнего дня, с опустившейся низко над землей тяжелой, черной, грозовой тучей. С этого черного свода медленно падает непрерывный снежный шторм из крошечных белых хлопьев, мерцающих на темном фоне. Это — раковины морских улиток и других маленьких созданий, которые живут и умирают в пяти милях воды, отделяющих нас от поверхности. Многие из них, растворяясь во время падения, увеличивают известковые соли океана, остальные, с течением веков, идут на образование тех отложений, которые погребли большой город. В верхнюю часть его мы и попали.

Оставив за собою последнее звено, связывавшее нас с землей, мы двинулись в мрак подводного мира, и вскоре повстречали совершенно новое для нас явление. Впереди появилось движущееся пятно. Когда мы приблизились к нему, оно превратилось в толпу людей, в стеклянных оболочках, тащивших за собою широкие сани, нагруженные углем. Это была нелегкая работа: бедняги нагибались и напрягали все силы, волоча канаты из кожи акулы, прикрепленные к саням. При каждой партии людей находился один человек, командовавший ими. Нас заинтересовало то, что руководители и рабочие, очевидно, принадлежали к различным расам.

Последние были высокими, белокурыми людьми, с синими глазами и мощным телом; первые, как уже говорилось, были темноволосые, почти негритянской наружности, короткого и широкого телосложения. В тот момент мы не могли разгадать этой тайны, но у меня составилось впечатление, что одна раса представляла собою наследственных рабов другой; Маракот же был того мнения, что они могли быть потомками тех греческих пленников, богиню которых мы видели в Храме.

Не дойдя до самых копей, мы повстречали несколько групп этих людей, каждая из которых тащила свою поклажу угля. В этом месте глубоководные отложения и песчаные формации, лежавшие под ними, были срезаны и обнажили большие угольные залежи, которые состояли из чередующихся слоев глины и угля, старых наслоений того погибшего мира древности, который лежал теперь на дне Атлантического океана. На различных высотах этих огромных раскопок мы увидели партии работавших людей: одни добывали уголь, другие же собирали его в груды и складывали в корзины в которых он поднимался кверху. Копи были настолько обширны, что мы не могли разглядеть другого конца огромных залежей, которые разрабатывались на дне океана многочисленными поколениями рабочих. Этот уголь, превращаемый затем в электрическую энергию, и был источником движущей силы, пускавшей в ход все машинное устройство Атлантиды. Кстати, любопытно сообщить, что легенды верно сохранили название древнего города, так как, когда мы упомянули его Мэнде и другим, они очень изумились сначала, что мы знаем его, а потом энергично закивали головами в знак того, что они поняли нас.

Пройдя большие угольные залежи или, вернее, свернув от них направо, мы дошли до линии низких, базальтовых скал. Их поверхность была такой-же чистой и блестящей, как и в тот день, когда они выкинуты были из внутренности земли. Их вершина вырисовывалась на темном фоне, в нескольких сотнях футов над нами. Осознание этих вулканических скал утопало в глубокой чаще из высоких морских водорослей, выроставших из спутанных масс криноидных кораллов, которые отложились в старые земные дни. Некоторое время мы брели вдоль края этой густой, подводной растительности. Наши спутники ударяли по ней своими палками и выгоняли оттуда для нашей забавы необычайный ассортимент странных рыб и ракообразных, время от времени запуская какой-нибудь экземпляр для своего собственного стола. Мы прошли таким безмятежным образом около мили или больше того, как вдруг Мэнда внезапно остановился и оглянулся вокруг с жестами тревоги и удивления. Эта подводная жестикуляция и сама по себе заменяет речь, так как в одно мгновение его спутники поняли причину его беспокойства, а потом и мы со страхом разгадали ее тоже. Профессор Маракот исчез!

Он наверняка был вместе с нами у угольных залежей и дошел до базальтовых скал. Невозможно было предположить, что он обогнал нас. Поэтому, он должен быть где-нибудь у линии зарослей, поблизости от нас. Хотя наши друзья встревожились, Скэнлан и я, кое-что зная о рассеянных странностях славного старика, были уверены, что нет причины для беспокойства и что мы вскоре найдем его заезавшимся над какой-нибудь морской формой жизни, привлекая его внимание. Все мы повернули обратно по нашим следам и не прошли и сотни ярдов, как увидели его.

Он бежал... Бежал с проворством, которое казалось невозможным для человека его нрава! Однако, даже и слабый человек может развивать большую скорость, когда его подгоняет страх. Руки его были протянуты за помощью. Он спотыкался и пелся вперед с неуклюжей энергией. У него была уважительная причина стараться во всю, так как три ужасных создания гнались за ним по пятам. Это были тигровые крабы, в белых и черных полосах, каждый размером с Нью-фаундлендского пса. К счастью, сами они не отличались быстрым бегом и передвигались по мягкому дну океана какими-то странными, кособоковыми прыжками, немногим скорее испуганного беглеца.

Тем не менее, на их стороне было больше шансов и они, наверно, вцепились бы в него через несколько мгновений своими ужасными клешнями, если бы не вмешались наши друзья. Они кинулись вперед со своими заостренными палками. Мэнда засветил мощный электрический фонарь (он нес его в своем поясе), направив свет прямо в хари этих отвратительных чудовищ. Они поспешно заковыляли в чашу и мы потеряли их из виду. Наш товарищ присел

на груды кораллов; по лицу его было видно, что он изнемог от своего приключения. Впоследствии он рассказал нам, как углубился в чашу, надеясь раздобыть то, что показалось ему редким экземпляром, глубоководной *Chironomus*; тут и наткнулся он на гнездо этих свирепых тигровых крабов, которые мгновенно бросились за ним. Только после длительного отдыха профессор почувствовал себя в состоянии продолжать наше путешествие.

Наши дальнейшие шаги, когда мы обогнули базальт, привели нас к нашей цели. В этом месте серая равнина была покрыта холмами неправильной формы и высокими выступами, которые говорили нам, что под ними лежит великий город древности. Он был все целиком погребен илом, подобно тому, как Геркуланум был погребен лавой или Помпея — пеплом, если бы пережившие катастрофу обита-

Скэнлан и я быстро наловчились.

тели Храма не прокопали к нему входа. Длинный спускающийся вниз ход кончался широкой улицей; с каждой стороны ее стояли здания. Их стены треснули и разрушились, потому что они были не так прочно построены, как устоявший до сих пор Храм. Но их внутренние помещения остались в большинстве случаев совершенно такими же, как до наступления катастрофы, если не считать того, что море внесло всевозможные перемены, прекрасные и редкостные в одних случаях и ужасающие в других, которые изменили вид комнат. Наши проводники не предлагали нам разглядывать первые комнаты, до которых мы добрались, но торопили нас вперед, пока мы не достигли той, которая, несомненно, служила большой центральной цитаделью или дворцом, являясь центром всего города. Столбы и колонны, обширные скульптурные карнизы, фризы и лестницы этого здания превосходили все, когда-либо виденное мною на земле. Скорее всего к ним приближаются, как мне показались, остатки храма Карнака в Луксоре (Египет), и, странно сказать, украшения и полустертые высеченные изображения напоминали в деталях те, которые сохранились в большой руине рядом с Нилом, а капители колонн, в форме лотосов, были те же самые. Удивительное это

было ощущение: стоять на мраморном, мозаичном полу этих обширных зал с большими статуями, возвышавшимися высоко над нами, по одной с каждой стороны, и одновременно видеть огромных серебристых угрей, скользивших над нашими головами, испуганных рыб, убегавших во все стороны от света, который отбрасывался перед нами.

Мы блуждали из комнаты в комнату, отмечая каждый признак роскоши, а порой и того похотливого сумасбродства, которое, как говорит медлительная легенда, навлекло на этот народ проклятье богов. Одна небольшая комната была чудесно облицована перламутром; даже и теперь он переливался блестящими оттенками, когда на нем играл луч света. Покрытые орнаментами возвышение из желтого металла и такое же ложе стояли в одном из углов и чув-

Маракот-же шел, как во сне.

ствовалось, что эта комната могла служить спальней царице, но рядом с ложем теперь лежал отвратительный черный спрут. Его нечистое тело поднималось и опускалось в медленном скрытом ритме и казалось каким-то злобным сердцем, которое все еще билось в самом центре порочного дворца. Я был рад (и то же самое, как я потом узнал, испытывали и мои сотоварищи), когда наши проводники снова вывели нас наружу, мимоходом бросив взгляд на развалившийся амфитеатр и на мол с маяком на конце, который указывал на то, что город был морским портом. Вскоре мы покинули эти места дурного предзнаменования и снова оказались в знакомой глубоководной равнине.

Наши приключения еще не совсем окончились, так как случилось еще одно, возбудившее одинаковую тревогу и в наших спутниках и в нас самих. Мы почти добрались до дому, когда один из наших проводников испуганно показал вверх. Посмотрев туда, мы увидели необычайное зрелище: из черного мрака воды появилась, быстро падая вниз, огромная темная фигура. Сначала она казалась бесформенной массой, но когда она яснее обрисовалась в полосе света, мы разглядели, что это было мертвое тело чудовищной рыбы, лопнувшее таким образом, что внутренности вытекали кверху позади него, пока оно падало вниз. Несомненно, газы поддерживали его в более высоких слоях океана, пока его не опустошили разложение или акулы, и в нем не осталось ничего кроме мертвой тяжести которая одним толчком послала его вниз на дно моря. В течение нашей прогулки мы уже наблюдали много таких больших скелетов, начисто объеденных рыбами, но это создание, если не считать его распоротых внутренностей, все еще казалось живым. Наши проводники схватили нас, чтобы оттащить в сторону от падающей массы, но тотчас успокоились и остановились; очевидно было, что она нас минует. Наши стеклянные шлемы помешали нам услышать шум, но должно быть он был оглушительным, когда это огромное тело ударило о дно океана и мы увидели, как глсбигерисвый ил поднялся высоко в воздух, как взлетают брызги грязи, когда в нее швырнут тяжелый камень. Это был кит около сэмидесяти футов в длину. По возбужденным и радостным жестам подводных обитателей, я догадался, что они широко используют спермацеты и жир. В тот момент, однако, мы покинули оставленное животное и с радостным сердцем, устлые и измученные с непривычки, очутились снова перед выгравированным порт лом крыши и, наконец, целые и невредимые, сняв наши стеклянные колесла, вновь стояли на тинистом полу входной комнаты.

Через несколько дней (по нашему счислению времени) после того, как мы дали общественный кинематографический показ наших собственных переживаний, мы присутствовали при гораздо более торжественном и величественном изложении такого же рода, которое четким и изумительным образом ознакомило нас с прошедшей историей этого замечательного народа. Не могу похвастаться, что оно было устроено исключительно для нас; вернее, эти события публично воспроизводились время от времени для сохранения их в памяти, а та часть, к которой нас допустили, была лишь каким-то интермеццо длинной религиозной церемонии. Как бы там ни было, я опишу ее точно так, как она произошла.

Нас провели в тот же самый большой зал или театр, где профессор Маракот отбросил на экран наши собственные приключения. Там собралась вся община и, как и в тот раз, нам представили почетные места перед большим светящимся экраном. Затем, после длительного пения, какой-то глубокий старик с седыми волосами, историк или летописец нации, под шумные аплодисменты приблизился к точке

фокуса и отбросил на блестящую поверхность серию картин, изображающих возвышение и падение его народа. Мне бы хотелось суметь передать вам их живость и драматизм! Мы все твое потеряли всякое ощущение времени и места, настолько мы были поглощены созерцанием, а глубоко потрясенная аудитория стонала или плакала по мере того, как развешивалась трагедия, рисующая гибель их родины.

В первых сценах мы увидели старый материк во всей его славе, память о которой запечатлели эти исторические картинки, передаваемые от отца к сыну. Нам представился вид с высоты птичьего полета на цветущую страну, обширную по своим размерам, многоводную и умело

искусственно орошаемую, с большими хлебными полями, колышущимися фруктовыми садами, красивыми реками и поросшими лесом холмами, тихими озерами и живописными горами. Она была усеяна деревнями, покрыта сельскими домиками и великолепными зданиями. Потом наше внимание было перенесено на столицу, удивительный и великолепный город на морском берегу. Его гавань была наполнена галерами а набережные загромождены товарами; безопасность обеспечивалась высокими стенами с поднимавшимися кверху укреплениями и круглыми рвами. Все это было изумительных размеров. Дома тянулись на много миль внутрь страны, а в центре города был зубчатый замок или цитадель, так широко раскинувшийся и такой властный, что он был похож на какое-то создание мечты. Потом нам показали лица тогдашних жителей: мудрых и почтенных старцев, мужественных воинов, прекрасных и полных достоинства женщин и прелестных детей

Мэнда засветил мощный электрический фонарь.

А затем пошли иные картины. Мы увидели войны, постоянные войны, войны на море и войны на суше. Увидели обнаженные и беззащитные народы, попираемые и смятые большими колесницами или атаками одетых в кольчуги всадников. Увидели накопленные победителями грузы, сокровища, но чем сильнее возрастали богатства, тем более животными и жестокими становились лица на экране. Люди падали все глубже от одного поколения к другому. Нам показали признаки похотливого разгула или нравственного вырождения. Зверский спорт за счет других занял место мужественных упражнений древних. Не существовало больше спокойной и простой жизни, все уменьшалось количество людей, посвящавших себя науке. Мы окинули беглым взором беспокойный, ограниченный народ, бросающийся в погоню то за тем, то за другим, вечно хватающийся за удовольствия, чтобы вечно не находить

их, но всегда воображающий, что их можно обрести в какой-либо более сложной и неестественной форме. С одной стороны, возник класс богачей, ищущих только наживы и чувственного удовлетворения, а с другой стороны, остались бедняки, которые должны были служить желанием своих господ, как бы жестки и порочны ни были эти желания.

И вновь забучала новая нота. Появились реформаторы, которые пытались свернуть нацию с дурного пути и направить ее к тем более высоким устремлениям, которыми она когда-то жила. Мы увидели суровых и серьезных людей, рассуждающих с богачами и выступающих в защиту бедняков, увидели их презираемыми и осмеянными теми, кого они пытались образумить. Как нам удалось рассмотреть, оппозицию против реформаторов возглавляли, в частности, жрецы Ваала. Эти служители золотого тельца и их приверженцы, поглощенные жадной наживы, остались глухи и к все более настойчивому предостережению ученых страны. К этому времени ученые обнаружили, что в недрах земли происходят мощные сдвиги и потрясения, грозящие стихийной катастрофой.

Затем мы увидели странное зрелище. Появился один человек особенной силы духа и тела, который стал во главе всех врагов Ваала. Он обладал состоянием, влиянием и могуществом. Это он направил все знания, добытые наукой своей страны, — наукой далеко превосходившей все известное нам, современным людям, — на постройку спасительного убежища против грядущей катастрофы. Мы увидели тьму рабочих, занятых этой работой. Стены быстро воздвигались, а толпа называла их тщательными и бесполезными предосторожностями. Мы увидели и других, которые рассуждали с ним и говорили ему, что если он боится, ему проще было-бы, бежать в какую-нибудь более безопасную страну. Он отвечал, однако, (насколько мы могли проследить), что есть прикованные нищетой и цепями рабства к его родной страны, которые должны быть спасены в последний момент, и что ради них он должен остаться в новом храме безопасности. Он собрал в нем последователей и держал их там, так как сам не знал точного срока приближающегося бедствия. Поэтому, когда грандиозные убежище было готово и водонепроницаемые двери были закончены и испытаны, он, со своей семьей друзьями и последователями, стал ожидать неизбежного конца.

И он наступил. Это была ужасная картина. А, ведь, действительность была еще ужаснее! Сначала мы увидели огромную гладкую водяную гору, подымающуюся на невероятную высоту из спокойного океана. Затем она двинулась, устремляясь вперед со все возрастающей быстротой. Два больших корабля носившиеся среди снежной каймы гребня, превратились в пару разбитых вдребезги галер. Мы увидели потом, как волна ударила о берег, покатила через город, а дома склонялись перед ней, как поле злаков перед бурей. Мы увидели на верхушках домов народ, глядящий на приближающуюся смерть, их лица, сведенные ужасом, их пристально смотрящие глаза, их подергивающиеся рты. Они ломали руки и метались в безумии страха. Те самые мужчины и женщины, которые насмехались над предостережением, теперь испускали вопли, ползали, уткнувшись лицом в землю или падали на колени, простирая руки в отчаянном призыве. Уже не было времени добраться до убежища, которое находилось вне города. Но тысячи людей кинулись к цитадели, стоявшей на более высоком месте, и стены укрепления чернели народом. Потом внезапно замок начал погружаться! Все стало погружаться! Вода хлынула в расщелины земли, вырвавшееся из земли пламя превращало ее в пар, земля раскалывалась и разлеталась. Все глубже и глубже опускался вниз город. Невольный крик вырвался у нас и у остальной аудитории при виде этого ужасного зрелища! Мол разломался на-двое и исчез; высокий маяк обрушился в море. Крыши некоторое время имели вид скалистых рифов, обдаваемых брызгами волнорезов, пока и они тоже не потонули. Одна цитадель осталась на поверхности, подобно какому-нибудь чудовищному кораблю, а затем и она скользнула одной стороной вниз, в пропасть, окаймленная беспомощно машущими над ее верхушкой человеческими руками. Ужасная драма закончилась, и поперек всего материка расстиралось сплошное море; море, море, не являвшее никаких признаков жизни, но показывавшее среди огромных кипящих водоворотов обломки этой трагедии, бросаемые во все стороны: мертвых людей и животных, скамьи, столы, части одежды и туки с добром. Все это крутилось в одном огромном водном пространстве. Мы смотрели, как все медленно улеглось, и большая

широкая поверхность, гладкая и блестящая, как ртуть, с мрачным солнцем над самым горизонтом, указывала нам моголу этой страны.

Повествование завершилось. Нам нечего было спрашивать большего, так как наш собственный ум и воображение могли дополнить остальное. Мы представляли себе медленное, неуклонное опускание этой великой страны все ниже и ниже, в бездну океана, среди вулканических конвульсий, которые выбрасывали кверху, вокруг нее, подводные вершины. Мы видели ее нашим умственным взором, как широко разлеглась она на том, что стало теперь дном Атлантики. Разрушенный город лежал бок-о-бок со спасительным убежищем, в котором уцелела горсть потрясенных, переживших катастрофу людей. А затем мы поняли, наконец, как эти люди продолжали свое существование, как воспользовались различными изобретениями, которыми снабдили их предусмотрительность и знание из великого вождя; как он передал им всем свои познания, прежде, чем умереть, и как переживая катастрофу группа людей теперь разрослась в обширную общину, которая должна была прокладывать себе путь во внутренность земли, чтобы найти выход своему населению. Никакая справочная библиотека не могла бы уяснить все лучше, чем эта серия картин и те заключения, которые мы из них вывели. Такова была судьба и таковы были причины этой участи, постигшей великую страну Атлантиду. В какой-нибудь весьма отдаленный день, когда глубоководный ил превратится в мел, этот великий город снова будет выброшен наверх каким-нибудь новым вздохом природы, а геолог будущего, роясь в земных породах, извлечет оттуда не камни или раковины, но остатки исчезнувшей цивилизации и следы древней катастрофы.

Один только пункт оставался невыясненным: сколько протекло времени с момента катастрофы. Профессор Маракот нашел грубый метод подсчета. Среди многих пристроек большого здания был огромный подвал, который служил местом погребения вождей. Так же, как в Египте и Юкатане, применялся способ бальзамирования мумий, и в стеновых нишах находились бесконечные ряды этих отвратительных реликвий прошлого. Мэнда гордо указал на следующую по порядку нишу и дал нам понять, что она специально приготовлена для него.

— Если вы возьмете среднее число европейских королей, — сказал Маракот со своей великолепной профессорской манерой, — вы обнаружите, что их приходится около пяти на столетие. В данном случае, мы можем воспользоваться той же самой цифрой. Мы не можем надеяться на научную точность нашего вычисления, но оно даст нам приближенный ответ. Я сосчитал мумии — их число равняется четырестам.

— Значит, прошло восемь тысяч лет?

— Совершенно верно! И это, до известной степени, согласуется с подсчетом Платона. Катастрофа, несомненно, случилась до начала египетских письменных записей, а их относят за шесть-семь тысяч лет до нынешней даты. Да, я полагаю, мы можем сказать, что наши глаза видели воспроектирование трагедии, случившейся, по крайней мере, восемь тысяч лет тому назад. Но, конечно, построить такую цивилизацию, следы которой мы видим, само по себе должно было занять много тысяч лет.

— Итак, — заключил он (я же предоставляю вам оспаривать это утверждение), — мы расширили горизонт достоверной истории человечества так, как ни один человек с самого ее начала!

По нашим вычислениям прошло около месяца после нашего посещения погребенного города, когда случилась самая изумительная и неожиданная вещь. К этому времени мы полагали, что стали уже нечувствительными к потрясениям и что никакая новость не может уже всколыхнуть нас, но этот факт далеко превзошел все, к чему могло бы подготовиться наше воображение.

Скэнлан принес известие, что произошло нечто важное. Вы должны представить себе, что к этому времени мы до известной степени чувствовали себя дома в большом здании; мы знали, где расположены общественные комнаты отдыха и комнаты для развлечений; мы посещали концерты (их музыка была очень странная и тонкая) и театральные увеселения, где непонятные слова переводились очень живыми и драматическими жестами; словом, мы стали частью этого общества. Мы посещали различные семейства в их собственных частных комнатах, и наши жизни, — во всяком случае, могу сказать это о своей, — стали радостнее, благодаря участию этих чужих людей, в частности, той милой молодой девушки, имя которой я уже упомянул. Она была дочерью одного из вождей

В стеновых нишах находились бесконечные ряды реликвий прошлого.

племени, в семье которого я нашел теплый и ласковый прием, стиравший все различие рас или языка. Что же касается самого нежного из всех наречий, то я не обнаружил большой разницы между древней Атлантидой и современной Америкой. Полагаю, что приятное для слуха масатчуетской девушке из Брунс-Колледжа понравилось бы и моей даме под волнами моря.

Но я должен возвратиться к тому факту, что Скэнлан вошел в нашу комнату с известием о каком-то великом событии.

— Послушайте-ка, один из них только-что влетел внутрь и был так взволнован, что совсем позабыл снять свою стеклянную крышку. Трещал несколько минут, прежде чем сообразил, что никто его не слышит! Потом трезвонил, пока у него хватило духу, и теперь все помчалось за ним к месту вылазки! Я отправляюсь в воду, потому что там, наверное, есть на что посмотреть.

(Окончание следует).

ГЛУБИНА МАРАКОТА ЗАТЕРЯННЫЙ ПОД ОКЕАНОМ МИР

Новый научно-фантастический роман А. Конан-Дойля *Перевод
К. Ксаинной.*

Содержание предыдущих глав.

Профессор Маракот, организовав экспедицию для изучения жизни морских глубин и с двумя помощниками — ассистентами Оксфордского университета, Сирусом Хэдлей, и механиком Биллем Скэнлан — отплыл из Англии. Вскоре после этого, в письме, написанном с Канарских островов, Хэдлей описал, как профессор Маракот объявил, что на борту находится стальная камера, в которой их опустят на дно океана. За этим письмом последовал почти год молчания, как вдруг, необычайным образом, были получены новости о профессоре Маракоте. Капитан одного парохода сообщил о находке плававшего в воде серебристого шара, в котором заключалось дальнейшее известие от Хэдлея. В нем говорилось, что камера с ее тремя обитателями успешно спускалась уже над краем Глубины Маракота, как вдруг гигантское морское чудовище разорвало цепь, и камера погрузилась в зияющую бездну. Повествование Хэдлея сообщало дальше, как были изумлены профессор Маракот и его спутники, найдя на дне океана подводную расу людей, спасших их из камеры при помощи прозрачных одежд, в которых можно было свободно дышать. Хэдлей описывал, как с помощью удивительного прибора для передачи мыслей, участники приключения смогли рассказать обитателям дна океана о постигшей их катастрофе. Они сумели также с грехом пополам объясниться по-гречески с одним жрецом, очевидно, принадлежащим к расе, которая произошла от древних греков и была взята некогда в плен атлантидами. Однажды Скэнлан принес известие, что один из атлантидов обнаружил нечто на дне океана. Все кинулись к месту происшествия.

V

Выбежав из комнаты, мы обнаружили, что наши друзья, возбужденно жестикулируя, спешат по коридору. Приблизив к ним, мы скоро влились в толпу, которая устремилась вдоль морского дна, предводительствуемая возбужденным вестником. Они передвигались с такой быстротой, что нам было нелегко поспевать за ними. Но они захватили с собой свои электрические фонари, и мы, несмотря на то, что отставали от них, все же могли следовать за лучами их света. Дорога лежала, как и прежде, вдоль базальтовых скал, пока мы не добрались до такого места, где ряд ступеней, выбитых долгим употреблением, вел к вершине. Возбравшись по ним, мы очутились в обрывистой местности с многочисленными острыми зубцами утесов и глубокими расщелинами, которые затрудняли наше продвижение. Выбравшись из этого хаоса древней лавы, мы попали в круглую равнину, блестящую фосфоресцирующим светом. Там, в самой середине, лежал какой-то предмет, при виде которого у меня перехватило дыхание. Взглянув на моих сотоварищей, я прочел по изумленному выражению их лиц, что они всецело разделяют мое волнение.

Наполовину погребенный в тине, лежал большой пароход. Он накренился на бок; дымовая труба сломалась и свисала под каким-то странным углом, а бизань-мачта была снесена. Но в остальном судно было невредимо, и такое чистое и свежее, словно оно только-что вышло из дока. Мы поспешили к нему и очутились под кофрой. Можете себе представить, что мы почувствовали, когда прочли название: «Страдфорд». Лондон. — Наш корабль последовал за нами в Глубину Маракота!

Разумеется, когда прошел первый момент потрясения, это происшествие не показалось нам столь непонятным. Мы вспомнили падающий барометр, убранные, по приказанию опытного норвежского шкипера, паруса и странную черную тучу над горизонтом. Очевидно, на «Страдфорд» налетел внезапный циклон феноменальной силы. Ясно было, что весь его экипаж погиб, потому что большинство шлюпок висело разбитыми у бортов, да какая шлюпка могла бы вынести такой ураган? Трагедия, несомненно, произошла спустя час или два после нашей собственной катастрофы. Может быть тот зондирующий лот, который мы видели, поднимали вверх как раз перед тем, как налетел шквал. Было странно и жутко, что мы все еще находились в живых, в то время, как те, которые оплакивали нашу гибель, погибли сами. Мы не имели возможности установить до того, как его обнаружили атлантиды, плавало ли судно в верхних слоях океана или же оно пролежало некоторое время там, где мы его нашли.

Бедный Хови, капитан судна, или вернее то, что от него осталось, все еще был на своем посту на мостике, крепко обхватив своими окоченевшими руками решетку. Его тело и тела трех кочегаров в машинном отделении были единственные, которые спустились на дно вместе с судном. Под нашим руководством их всех сняли и погребли под илом, положив на могилу венки из морских цветов. Сообщая эту подробность в надежде, что она послужит некоторым утешением м-с Хови в ее потере. Имена кочегаров нам были неизвестны.

Пока мы отдавали этот долг, маленькие человечки облепили роем все судно. Взглянув сверху, мы увидели их повсюду, словно мышей на сыре. Судя по их волнению и любопытству, нам стало ясно, что это было первое современное судно, возможно даже первый пароход, когда-либо попавший к ним вниз. Позже мы обнаружили, что кислородный аппарат внутри их стеклянных колоколов не позволяет им удаляться от заряжающей станции дальше, чем на несколько часов и, таким образом, поле их деятельности на дне моря ограничено соответствующим числом миль от их центральной базы. Они тотчас же принялись за работу, разламывая потерпевшее крушение судно и снимая с него все, что могло бы пригодиться. Очень длительный процесс, не вполне законченный и до сих пор. Мы также были рады пробраться в наши каюты и достать многие из тех принадлежностей одежды и книг, которые не были безнадежно испорчены.

Среди других вещей, спасенных нами со «Страдфорда» оказался судовой журнал, в который капитан до последнего дня вносил свои записи и даже уже ввиду нашей катастрофы. Как странно было, что мы читали его пометки, а он был мертв. Запись последнего дня гласила следующая:

«3-го октября. Три мужественных, но отчаянных искателя приключений сегодня, против моей воли и моего совета, опустили в своем аппарате на дно океана и несчастия, которое я предвидел, случилось. Упокой, господа, их души! Они отправились вниз в одиннадцать утра. Я несколько сомневался, разрешить ли им это, так как надвигался шквал. И напрасно я не поступил согласно моему побуждению, хотя это только бы отсрочило неизбежную трагедию. Убеденный, что их мне больше не увидеть, я пожелал каждому из них счастливого пути. Некоторое время все шло хорошо, и в одиннадцать сорок пять они достигли глубины тысячи восьмисот футов, где нашли дно. Профессор Маракот передал мне несколько сообщений и все, казалось, обстояло благополучно, как вдруг я услышал тревогу в его голосе и проводочный канат сильно заколебался. Мгновением позже он оборвался. Очевидно, они находились в это время над глубокой бездной, так как по просьбе профессора судно очень медленно двинулось вперед. Трубки для подачи воздуха продолжали разматываться приблизительно еще с полумиллю, а потом они тоже оборвались. Это — последнее, что мы когда-либо можем надеяться услышать о профессоре Маракоте, м-ре Хэдлее или м-ре Скэнлане.

Однако, следует отметить одну крайне необычайную вещь, все значение которой у меня не было времени взвесить, потому что в связи с этой надвигающейся непогодой многое меня отвлекает. Тогда же было сделано глубоководное зондирование и мы отметили глубину в двадцать шесть тысяч шестьсот футов. Груз, конечно, остался на дне, но едва лишь втянув проволоку, как ни вероятно это покажется, мы обнаружили над фарфоровой чашкой носовой платок м-ра Хэдлея, с его меткой. Вся судовая команда удивлена и никто не может предположить, как могла случиться такая вещь. Возможно, что в моей следующей записи, я смогу еще что-нибудь сказать на этот счет. В надежде, что что-нибудь появится на поверхности, мы прождали еще несколько часов и втащили вверх канат. Конец его оказался зазубренным. Теперь я должен позаботиться о судне, так как я никогда не видел худшего неба. Барометр на 28.5 и быстро падает».

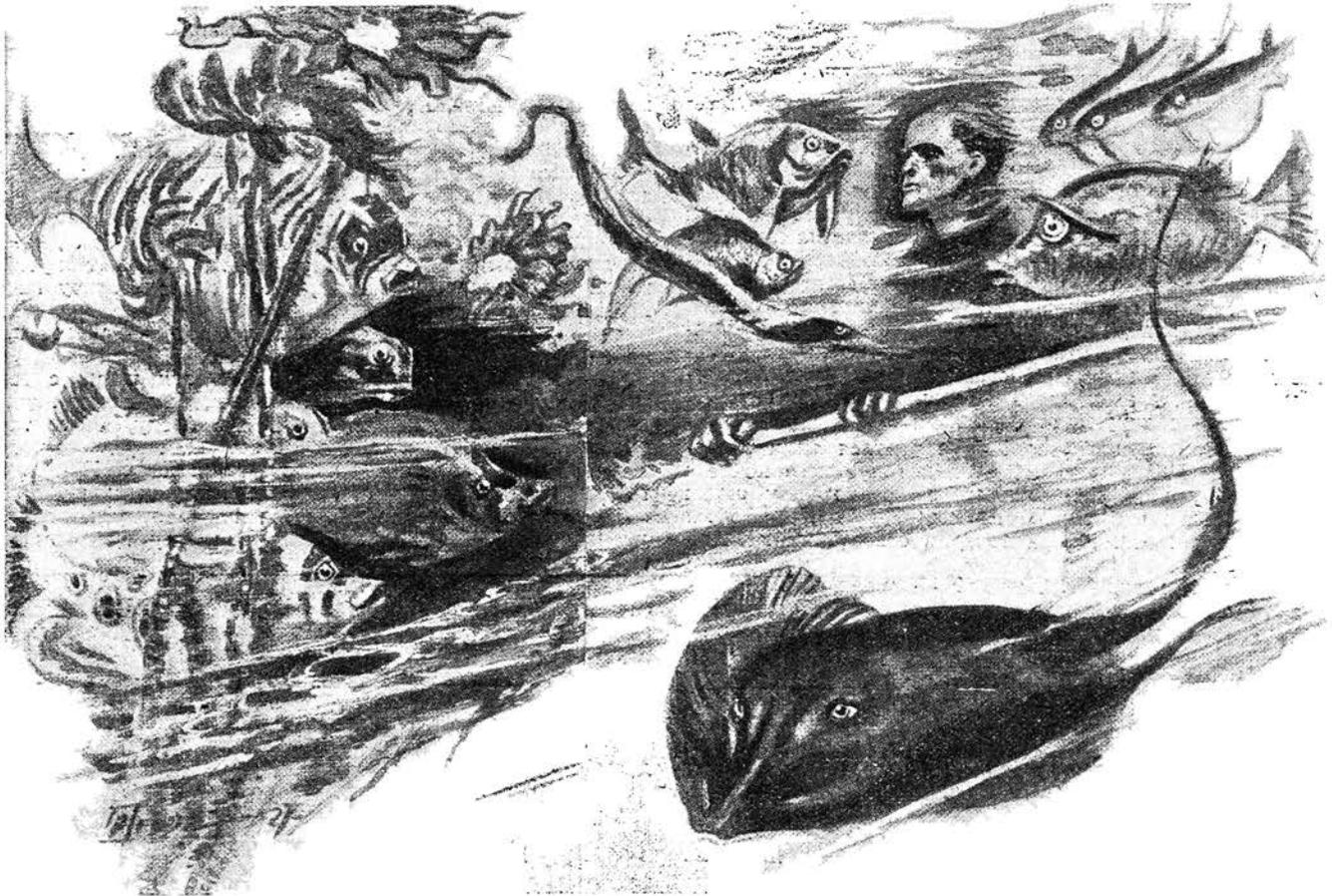
Вот каким образом мы получили последнее известие о наших недавних спутниках. Очевидно, на «Страдфорд» обрушился ужасающий циклон и сразу же его уничтожил.

Мы оставались около разбитого судна, пока некоторая духота внутри наших стеклянных колоколов и ощущение все увеличивающейся тяжести в груди не предостерегли

нас, что наступил крайний срок для возвращения. И вот тут-то, на возвратном пути домой, случилось приключение, раскрывшее перед нами те внезапные опасности, которым подвергается этот подводный народ. Этим и объясняется, наверно, почему численность этих людей современем не сделалась больше того, чем она есть в действительности. Включая греческих рабов, мы определяем их число самое большее в четыре или пять тысяч. Мы спустились по лестнице и прокладывали себе путь вдоль края зарослей, окаймляющих базальтовые скалы, как вдруг Мэнда взволнованно указал вверх и яростно стал подавать знаки одному из нашей компании, который находился в некотором расстоянии от нас, на открытом месте. В то же время сам Мэнда и все вокруг него отбежали в сторону каких-то высоких утесов, и потащили нас за собою. Только очутившись под защитой, мы увидели причину тревоги. На некотором расстоянии над нами, быстро сплывающий

клянный колесол атланта и он утонул. Тот день, когда мы понесли его тело обратно в убежище, был днем траура, но также и днем нашего триумфа, потому что наша быстрая активность усилила уважение к нам наших сотоварищей. Что же касается странной рыбы, то профессор Маракот удостоверил, что это был вид хорошо известной ихтиологам рыбы-одеяло.

Я говорю об этой твари потому, что она явилась причиной трагедии, но я мог бы написать целую книгу (возможно, я это и сделаю) про удивительную жизнь, которую мы здесь видели. Доминирующие краски в глубоководной жизни — красная и черная; растительность же — самого бледного оливкового оттенка, и с такими гибкими волокнами, что наши траллы очень редко вытаскивают ее кверху. Поэтому наука пришла к убеждению, что дно океана голое. Многие из морских форм на редкость красивы, а другие так причудливы в своем безобразии, что

Капитан судна, все еще был на своем посту на мостике.

скакая, виднелась огромная рыба самой странной причудливой формы. Слово большая плавающая перина, мягкая и вздувающаяся с белой подкладкой и длинной красной бахромой, выбрации которой проталкивали ее сквозь воду. Казалось, что у нее нет ни рта, ни глаз, но она скоро проявила свое ужасающее проворство. Наш спутник, находившийся на открытом месте, побегал к тому же убежищу, где мы укрылись, но было уже поздно. Я видел, как его лицо исказилось от ужаса, когда он понял свою участь. Гнусное создание спустилось на него, бкнуло его со всех сторон и налегло на него, пульсируя ужасающим образом, словно швыряя его тело о коралловые рифы и размалывая его на куски. Трагедия разыгралась в нескольких ярдах от нас, однако, наши спутники были так подавлены ее внезапностью, что, казалось, лишились всякой способности действовать. Тогда Скэнлан бросился наружу и вскочив на широкую спину твари, исполосованную красными и коричневыми отметинами, возил острый конец своей металлической палки в ее мягкие ткани.

Я последовал примеру Скэнлана, а в заключение и Маракот и все остальные атаковали чудовище. Оно медленно соскользнуло, оставляя позади себя след маслянистых и клейких выделений. Тем не менее, наша помощь подошла слишком поздно: нажим огромной рыбы сломал сте-

похожи на бредовые видения, и так опасны, что ни одно земное животное не может соперничать с ними в этом отношении. Я видел черную меч-рыбу, длиной в тридцать футов, с ужасным кльком над хвостом, один удар которого мог бы убить всякое живое существо. Я также видел похожую на лягушку тварь с сверлящими зелеными глазами, которая представляет собой один разинутый рот с огромным желудком позади него. Встретиться с нею — верная смерть, разве только найдется электрический фонарь, чтобы отпугнуть ее. Я видел слепого красного угря, который лежит между скалами и убивает своим ядсм, а также видел один из ужасов глубины — гигантского морского скорпиона и рыбу-фурию, которая прячется среди морских зарослей.

Однажды, мне привелось также увидеть настоящую морскую змею, — создание редко предстающее человеческому глазу, так как оно живет в самых крайних глубинах и видно на поверхности только, когда жестокая конвульсия его выгоняет из его убежища. Две из них проплыли или, вернее сказать, проскользнули однажды мимо нас, пока Мона и я прятались от них среди зарослей ламелларий. Они были громадные — около десяти футов в высоту и двести футов в длину, сверху черные, а снизу серебристо-белые, с высоким гребнем на спине и маленькими, не больше, чем у быка, глазами.

Сообщение о них, а также и о многих подобных вещах, можно будет найти в рукописи профессора Маракота, если ей суждено будет попасть в ваши руки.

Проходила одна неделя за другой нашей новой жизни, которая стала очень приятной. Понемногу мы достаточно усвоили этот давно забытый на земле язык и могли немного разговаривать с нашими сотоварищами. В Убежище нашлось бесконечно много тем, как для изучения, так и для нашего развлечения, а Маракот уже успел настолько овладеть древней химией, что, по его заявлению, он может революционировать все мировые идеи, если только он сумеет передать на землю свои познания. Среди прочих вещей, здешние обитатели научились раздроблять атом и хотя, освобождаясь при этом сила меньше, чем предполагали наши ученые, она все же достаточна, чтобы снабжать их большим запасом энергии. Они ушли далеко вперед нас в познании энергии и природы эфира, а эта странная передача мысли картинками, благодаря которой мы рассказали им нашу историю, они же нам — свою, покоятся на эфирном отпечатке, переведенном обратно на термины материи.

Но тем не менее, несмотря на их познания, остались такие вопросы, связанные с современным научным развитием, которые были упущены их предками.

На долю Скэнлана выпало наглядно продемонстрировать этот факт. Несколько недель он находился в состоянии сдержанного волнения, затаив в себе какой-то величайший секрет и безпрестанно ухмыляясь своим собственным мыслям. В течение этого времени мы виделись с ним случайно, потому что он был крайне занят и его единственным другом и поверенным был толстый и веселый атлант по имени Бербрикс, который обслуживал часть машин. Скэнлан и Бербрикс, хотя их внешнее общение выражалось, главным образом, знаками и молчаливым похлопыванием друг друга по спине, стали закадычными приятелями и постоянно забирались вместе. Однажды вечером Скэнлан вошел с ликующей физиономией:

— Слушайте-ка, профессор! — обратился он к Маракоту. — У меня есть одна затейка, которую мне хочется передать этому народцу. Они нам показали пару своих штук. Полагаю, что теперь настал наш черед. Что вы скажете на то, чтобы завтра вечером созвать их всех на представление?

— Джаз-банда или Чарльстона? — спросил я.

— Чарльстон — пустяки! Подождите, пока сами увидите. Дружите, это просто можно обалдеть! Впрочем, больше не скажу ни слова. Только вот что, хозяин: я не хочу пускать вас вниз, потому что сам соорудил эту штуку и хочу сам ее вручить.

Согласно его желанию, на следующий вечер, вся община собралась в знакомом уже зале. Скэнлан и Бербрикс стояли на возвышении и сияли от гордости. Кто-то из них дотронулся до какой-то кнопки и вдруг..., выразась языком Скэнлана: «Слово за ним, он несколько удивил нас!»

— Вызывает 2. Л. О.! — крикнул звонкий голос. — Лондон вызывает Британские острова! Предсказание погоды. — Затем последовали обычные фразы насчет понижения атмосферного давления и антициклонов. «Бюллетень важнейших новостей. Его величество король сегодня утром совершил открытие нового флигеля детского госпиталя в Хаммерсмите... и так далее и так далее, в обычном стиле. Мы впервые снова перенеслись в обыденную жизнь Англии. Мы выслушали затем иностранные новости, а потом спортивные. Старый мир бездельничал попрежнему. Наши друзья Атлантиды удивленно слушали, не понимая, в чем дело. Однако, когда первым номером после новостей, оркестр заиграл марш Люэнгринга, у них вырвался единый крик восторга. Смешно было смотреть, как они кинулись на возвышение, отворачивали занавеси и заглядывали за экраны, чтобы найти источник этой музыки. Да, мы навсегда наложили свой след на подводную цивилизацию.

— Нет, сэр! — рассказывал потом Скэнлан. — Я не мог построить передаточной станции: у них нет материала, а у меня не хватает мозгов. У себя дома я соорудил собственный двухламповый приемник и поставил антенну рядом с протянутой поперек двора веревкой для сушки белья. Научился с ними обращаться и улавливать любую станцию Штатов. Смешно будет, — подумал я, — мы имеем под рукой все это электричество, а их стекольное дело опередило наше, неужто мы не сможем смастерить что-нибудь такое, что улавливало бы эфирную волну. А волна наверняка так же легко путешествует через воду, как и по воздуху. Приятеля Бербрикса едва не хватил удар, когда мы приняли первый вызов, но теперь он обучен этому делу. Думаю, что это — постоянная установка.

Среди открытий химиков Атлантиды есть один газ, в девять раз легче водорода. Маракот назвал его левиген. Его опыты над ним и внушили нам идею послать на поверхность океана стеклянные шары с известием о нашей судьбе.

Я пояснил Мэнде нашу идею и он отдал приказание рабочим силикатных мастерских; через один-два дня шары будут готовы.

— Но как мы можем вложить внутрь наши сообщения? — спросил я.

— В них оставляется небольшое отверстие, через которое вводится газ. В него мы просунем наши рукописи. Потом эти искусные рабочие запечатуют отверстие. Уверен, что, когда мы отпустим шары, они выскочат на поверхность.

— И будут год болтаться, никем не замеченные.

— Возможно! Но шар будет отражать лучи солнца и наверняка привлечет к себе внимание. Мы находились на судоходной линии между Европой и Южной Америкой. Я не вижу причины, почему, если мы пошлем их несколько, не выловят хотя бы один.

Вот каким образом, мой дорогой Тальбот, это поведомление попало в ваши руки. Но за ним таится еще гораздо более роковой замысел. Мысль эта возникла в творческом мозгу американского механика.

— Знаете что, друзья! — сказал он, когда мы сидели одни в нашей комнате. — Здесь внизу чудесно, и выпивка отличная и еда хорошая, да к тому же я встретил девушку, по сравнению с которой всякая в Филадельфии выглядит, как два цента, но все-таки бывают времена, когда хочется почувствовать, что я снова взгляну на божий свет...

— У всех нас бывает такое чувство, — сказал я, — но я не вижу, как бы вы это сделали?

— Послушайте-ка, хозяин! Если эти шары с газом могут поднять наше послание, они могут поднять также и нас. Не подумайте, что я в бреду, я это точно высчитал. Предположите, что мы соединим три или четыре шара вместе, чтобы получить хороший лифт. Понимаете? Потом наденем наши стеклянные колпаки и прикрепим себя к шарам. Раздастся сигнал, шары отпускают и мы дуем кверху! Что нас застопорит между здешними местами и поверхностью?

— Акула, может быть?

— Ба! Акула — ерунда! Мы так будем жарить мимо всякой акулы, что она даже вряд ли разглядит нас: примет за три вспышки света. А мы получим такой разгон, что выстрелим на другом конце на пятьдесят футов в воздух. Говорю вам, что всякое чудовище, увидя, как мы поднимаемся кверху, со страху заборочет свои молитвы.

— Предположим, что это возможно. А что будет дальше?

— Только не задумывайтесь о том, что будет дальше! Давайте попытаем счастья, не то мы останемся здесь на вечное сбережение. Я за то, чтобы пойти на этот риск.

— Разумеется, я стремлюсь вернуться в мир хотя бы только ради того, чтобы изложить перед научными обществами наши результаты! — сказал Маракот. — Только мое личное влияние может заставить их осознать все значение добытых мною новых сведений. Я готов попытаться вместе с Скэнланом.

Может быть, причиной моего предубежденного суждения были лучистые глаза Моны, но из всех троих я проявил наименьшую пылкость.

— Это полное сумасшествие! Ведь если никто не будет поджидать нас на поверхности, мы непременно будем носиться по волнам и погибнем от голода и жажды.

— Чудак-человек! Как это возможно, чтобы кто-нибудь стал нас поджидать?

— Может быть, возможно устроить и это! — сказал Маракот. — Мы можем сообщить в пределах одной-двух миль, точную долготу и широту нашего положения.

— А они спустят вниз лестницу? — сказал я с некоторой горечью.

— Лестница — ерунда! Хозяин прав! Послушайте-ка, м-р Хэдлей: вы напишите в этом письме, которое вы пошлете во вселенную... (ух, так и вижу ошеломительные строчки в газетах!), что мы находимся на 27 северной широты и 28.14 западной долготы, или как там будет правильно. Поняли? Потом вы скажете, что трое самых важных в истории людей, великий человек науки Маракот, новая звезда — собиратель насекомых Хэдлей, и Боб Скэнлан, жемчужина механики и гордость Мэррибэнка, вопят со дна моря о помощи. Успеваете вы за моими мыслями?

— Ну, хорошо, а потом?

— А там уж это их забота! Это будет вроде вызова, который они не могут забыть. То же самое, что я читал про Стенли, отыскавшего Ливингстона и тому подобное. Их дело найти какой-нибудь способ вызвать нас или поймать нас в том конце, где мы сами сможем к ним выпрыгнуть.

— Мы сами могли бы предложить им этот способ! — сказал профессор. — Пусть они закинут в эти места глубоководный бот, а мы будем его искать. Когда он появится, привяжем к нему сообщение и попросим их присутствовать при нашем появлении.

— Толково сказано! — воскликнул Боб Скэнлан. — Вот верный способ!

— А если какая-нибудь дама пожелает разделить нашу участь, четверым будет так же легко подняться, как трем! — сказал Маракот, глядя на меня с плутоватой улыбкой.

— Что касается этого, то и пятерым так же легко, как и четверым! — заметил Скэнлан. — Но вы теперь все поняли м-р Хэдлей. Напишите это и через шесть месяцев мы снова вернемся в Лондон.

Итак, мы пускаем наши два шара в эту воду, которая для нас то же, что для вас воздух. Наши два маленьких баллона отправятся наверх. Оба ли потеряются в пути? Это возможно. Или же один пройдет все же это расстояние? Решение этого вопроса мы предоставляем судьбе. Если нам ничем нельзя помочь, то сообщите тем, кому мы дороги, что во всяком случае мы невредимы и счастливы. Если же этот замысел возможно выполнить и найдутся необходимые для нашего спасения деньги и энергия, мы указали вам тот путь, каким это может быть сделано.

А пока что — прощайте или, лучше сказать, до свидания.

Так заканчивалось повествование в стеклянном шаре.

Все вышеизложенное включает все факты, поскольку они были мне доступны в момент написания этого отчета. Пока рукопись находилась в руках наборщика, появился самый неожиданный и сенсационного рода эпизод. Я имею ввиду спасение переживших это приключение паровой яхтой м-ра Фэверджера «Маррион» и известие, посланное радио-передачей этого судна и принятое кабельной станцией на острове Кап-де-Верде, которая только что передала его в Европу и Америку. Это известие было составлено м-ром Кей Осборн, известным представителем Объединенной прессы.

Повидимому, тотчас же после того, как первое сообщение о положении профессора Маракота и его друзей достигло Европы, была успешно и спокойно снаряжена экспедиция в надежде спасти их. М-р Фэверджер великодушно предоставил свою знаменитую паровую яхту в распоряжение спасательного отряда, к которому он сам присоеди-

нился. «Маррион» в июне вышла из Шербурга, забрала в Соутгемптоне м-ра Кэй Осборн и кино-оператора и тотчас же направилась к тому месту океана, которое было указано в оригинальном документе. Она достигла его первого июля.

Они спустили глубоководный проволочный лот и медленно потащили его по дну океана. На конце этого лота, рядом с тяжелым свинцом, была подвешена бутылка с запиской. Записка гласила:

— Ваше сообщение получено миром и мы здесь, чтобы помочь вам. Мы повторяем это извещение по нашей радио-

передаче, в надежде, что оно дойдет до вас. Мы будем медленно пересекать вашу область. Когда вы отвяжете эту бутылку, пожалуйста поместите в нее ваше собственное извещение. Мы будем действовать согласно вашим инструкциям.

В течение двух дней «Маррион» медленно крейсировало взад и вперед без всякого результата. На третий день спасательный отряд ожидал большой сюрприз. Небольшой, ярко светящийся шар выскочил из воды в нескольких стах ярдах от яхты. Он оказался стеклянным носителем известия того же вида, который был описан в оригинальном документе. Когда его с некоторым затруднением разбили, то прочли следующее:

— Спасибо дорогие друзья! Мы высоко ценим вашу преданность и энергию. Мы с легкостью получаем ваши радиосообщения и в состоянии отвечать вам таким же способом. Нам удалось завладеть вашим лотом, но течение высоко подняло его и он проносится мимо нас скорее, чем даже самый быстрый из нас может двигаться, преодолевая сопротивление воды. Мы предполагаем отложить завтра в шесть часов утра.

По нашему вычислению, это будет четверг, 5-го июля. Мы будем появляться по одному, чтобы каждый вытекающий из нашего опыта совет мог быть передан по радио тем, кто будет подниматься позже. Еще раз сердечно благодарим.

Маракот. Хэдлей. Скэнлан.

Передаю дальше слово м-ру Кей Осборн:

— Стояло чудное утро и глубокое сапфирное море растянулось гладкое, как озеро. На великолепном своде ярко голубого неба не было ни малейшей тучки. Весь экипаж «Маррион» с раннего утра был на ногах и с жавейшим интересом ожидал событий. При приближении шести часов наше напряжение стало мучительным. На нашу сигнальную мачту был поставлен сторожевой и ровно за пять минут до назначенного часа мы услышали его крик и увидели, что он указывает на воду... Все мы столпились на этой стороне палубы и мне удалось вскарабкаться на одну из шлюпок.

Верхняя часть ее тела была покрыта стеклянным абажуром.

